

Кому нужен муж, в которого не влюбится ни одна женщина!

Среди множества уроков, полученных Аллой Баяновой в жизни, лучшие — мамыны

Отчаянная газета. — 1998.
— 21-27 мая, — с. 14

С АЛЛОЙ БАЯНОВОЙ мы встретились незадолго до дня ее рождения (18 мая). Темой разговора и стали уроки ее мамы, Евгении Александровны Баяновой, известной в свое время танцовщицы. Думается, саму Аллу Николаевну Баянову читателю представлять не надо. Русские романсы в ее исполнении связывают конец нашего века с его началом в некий утешительный круг. Все проходит, меняется: и годы, и лица, и одежда, и музыка — все-все, кроме человеческих чувств...

— Ваша любовь к романсу — наследственная?

— И наследственная, и от людей, которые окружали. Я в тринадцать лет выступала в одном парижском баре, туда случайно заглянул Вертинский. «Девочка, ты кто такая? Дочь Николая Баянова? Ах, какой же у твоего папы красивый голос! Ты здесь одна?» — «Нет, с мамой, она всегда приходит на мои выступления». Вертинский пел в одном из лучших ресторанов — в «Большом московском Эрмитаже». Когда я увидела его репетиции и выступления, поняла глубину, силу, красоту русского романса.

Мама наставляла: певица, поющая старинные русские романсы, пусть и за границей, не имеет права плохо владеть русской речью. Мама знала несколько европейских языков, но русский считала самым звучным и изысканным. Она и отец, а он был великолепным оперным певцом, строго следили за тем, как я говорю. И меня, сегодняшнюю, московскую, и раздражают и смешат словечки «спонсор», «менеджер», «ночной сервис» — разве нет замены?

— Тот, кто хоть раз беседовал с кем-либо из эмиграции первой волны, обязательно удивлялся чистоте и красоте их русского.

— Когда — уже в Москве — мои цыганские романсы услышал Николай Сличенко, он сказал:

«Алла, в твоём исполнении они совсем другие». А я просто взяла эти песни у старых парижских цыган, которые в эмигрантской среде как бы законсервировали эту часть русской культуры.

...У нас дома часто собирались певцы, артисты, антрепренеры, музыканты. Я хорошо запомнила такие разговоры взрослых: «Мы даже вещи не до конца распаковали. Вот-вот в России наступит порядок и вернемся». Как же, вернулись. Все лежит на кладбище Сен-Женевьев де Буа со своим русским языком, русскими традициями и любовью к родине...

— А мамыны профессиональные советы помните?

— Ну, что такое профессиональные советы? Помню, мы только приехали из Парижа в Бухарест и мне предстояло репетировать с оркестром Жоржа Ипсиланти. Ипсиланти, надо сказать, был необыкновенным музыкантом с абсолютным слухом, поэтому все певцы относились к нему с большим почтением.

Я появляюсь и эдак свысока: «Косыночку» знаете? Ну, начинайте! Ипсиланти поднимает голову от рояля: «А вы, мадемуазель, в какой тональности эту песню поете?.. Ах, в ми-бемоль миноре, говорите? Нет, я думаю, вы должны петь в чистом ми миноре».

Я разозлилась: «Ну вот еще, будете меня учить! Мой отец уже научил меня всему, что надо. Так что давайте не спорить, а репетировать!» — и отвернулась от него.

Мама все это слышала. Вышли на улицу, сели на скамейку, мама говорит: «Да кто ты такая? Императрица Екатерина Великая? Опоздала на репетицию, люди с седыми волосами ждали тебя, а ты вела себя с ними, как хамская девка с задраным носом! Подумаешь, приехала звезда Парижа! Чтобы больше я этого никогда не видела, понятно?»

Боже мой, чтоб моя мама со мной когда-нибудь так разговаривала... Не могу передать, как я испугалась. Но этот урок усвоила навсегда: всю жизнь прихожу на репетицию на десять минут раньше, с каждым музыкантом поздороваюсь и каждого потом благодарю. Вот такие были профессиональные советы у моей мамы.

— А жизненные? Касательно, например, замужества? У вас ведь их было несколько.

— Мой второй муж, знатный и богатый помещик Штефан Шендря, был страстным автомобилистом и иногда ездил в Бухарест покупать себе машины из гаража короля Михая. Тот чуть-чуть покатается, потом эта машина ему надоедает, и король выписывает себе другую.

А я сидела в нашем имении вместе с курочками, свинками, жеребятами, придумывала им

всем имена и терпеливо ждала мужа. И когда он возвращался из Бухареста, то был такой ласковый, такой горячий, такой страстный! Один раз таким вернулся, второй, третий. Ну, думаю я, это неспроста! И тут приходит письмо, в котором неизвестный доброжелатель сообщал, что мой Штефан снимает в столице однокомнатную квартиру и встречается там с одной молодой женщиной по имени Аня Ляскэ.

И ни одна женщина на него не смотрит и не хочет у тебя его отнять. Тебе такой муж нужен? Я говорю: «Ой нет, мама, что ты, такого я совсем не хочу!»

— Ну вот, видишь. А так у тебя есть немножко перцу, немножко соли... А ты подбавь чуть-чуть сахара, и будет не так страшно. У мужчин ведь такое случается, но все равно же он к тебе, дурочка, вернется и все будет в порядке. Потому что ты без скандала, с достоинством воспри-

смышь с себя всю эту грязь — чужих губ, чужих рук, чужих объятий. Нет, говорила мама, нельзя этого! Только если женщина полюбит — искренне, не в силах преодолеть тяги к любимому человеку, тогда нужно сказать мужу честно и прямо: «Вот, случилось вдруг такое... Или ты помоги мне, уедем куда-нибудь, чтобы я все забыла. Или давай расстанемся, а я попробую заново связать с этим человеком свою жизнь».

— Алла Николаевна, а ведь недаром различие между словами «роман» и «романс» — всего в одной букве.

— Все романсы — о том же: о любви, об измене. Романс — это ведь просто маленький роман, новелла. Иногда в двухминутном романсе столько трагизма, что он стоит некоторых толстых книг.

— А чтобы искренне спеть такое, певица, наверное, должна сама много пережить?

— Наверное, это необязательно. Это ведь и есть артистизм — вообразить себя на месте другого человека. Хотя я не могу сказать, что прожила свою жизнь, как бабочка, легко, без страданий. И это, видимо, ощущается. Недавно один молоденький мальчик, журналист, сказал: «Мне кажется, в вас есть печаль, которая особенно гнетет». Подумать только, как он это почувствовал, такой молодой. Я ему ответила: «Мне не было дано самого, наверное, главного в жизни любой женщины — ребенка. Война помешала и еще всякие обстоятельства. Я безумно люблю детей, природу и животных. У меня все есть, кроме детей, — и именно в этом моя печаль». А он говорит: «Алла Николаевна, вместо одной семьи Бог дал вам тысячи любящих, искренних сердец».

Я потом подумала: а что если он прав?

Беседовал
Николай КУРНОСОВ

мешь его минутный порыв...»

— А женскую измену она тоже оправдывала?

— О нет! Мама меня учила, что замужняя женщина этим себя пачкает. Если женщина изменяет из мести: «Ах, так! Ну, я же тебе покажу!», она потом всегда чувствует себя оплеванной. Почему-то она обязательно лезет в ванную и долго стоит под душем, словно хочет